

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИНКЛЮЗИВНОСТИ КАК ОДИН ИЗ МЕХАНИЗМОВ РАСШИРЕНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

А. С. Полякова

Воронежский государственный университет

DEVELOPMENT OF THE LANGUAGE INCLUSIVITY AS ONE OF THE MECHANISMS OF THE CONTEMPORARY ENGLISH VOCABULARY EXTENSION

A. S. Polyakova

Voronezh State University

Аннотация: представленное исследование посвящено рассмотрению тенденции к развитию и повсеместному внедрению инклюзивного языка в качестве механизма расширения словарного состава современного английского языка. Предметом исследования выступают инклюзивные лексические единицы английского языка, широкое распространение которых обусловлено текущей языковой политикой западных стран, направленной на продвижение вербальной толерантности и инклюзивности в отношении представителей меньшинств. Указанные лексические единицы выбраны объектом данной статьи ввиду того, что в настоящее время права и свободы представителей тех или иных меньшинств в большей степени рассматриваются через призму политического дискурса в качестве объекта противостояния демократической и республиканской партий США. Цель исследования заключается в изучении особенностей вышеуказанных лексем и влияния актуальных социальных тенденций на их возникновение. В качестве источника лексического материала выступили интернет-издания *The Tennessean*, *The New York Times*, *Fox News*, *The Indian Express*, *Daily Mail*, *Sun Francisco Bay Times*, *Daily Collegian*, а также *New York Post*. Методы исследования включают семантический и словообразовательный анализ собранного лексического материала с учетом особенностей контекста его употребления. Проведенное исследование позволило убедиться в специфичности природы инклюзивных лексем, и условий, влияющих на их возникновение, а также подтвердить идею о тесной взаимосвязи языка и текущих социальных тенденций. Во-первых, установлено расширение семантического значения лексемы *inclusion*, в начале XX в. используемой в отношении лиц с инвалидностью, а в условиях современного контекста также имеющей такой компонент значения, как «исключение любой дискриминации по отношению к представителям гендерных, этнических и расовых меньшинств». Во-вторых, исследование позволило сопоставить феномен политической корректности с необходимостью создания инклюзивного языка. В-третьих, к некоторым словообразовательным особенностям рассмотренных инклюзивных лексем следует отнести: отсутствие родоопределяющих окончаний либо их замена морфемой *x*; замена морфемой *x* отдельных частей лексемы, не имеющей родоопределяющего окончания, с целью провоцирования соответствующих ассоциаций; исключение любых ассоциаций с лексемами *man/woman*, *male/female*, *mother/father*; создание двухкомпонентных научных аналогов. **Ключевые слова:** языковая инклюзивность, инклюзивный язык, вербальная дискриминация, политическая корректность, гендерное, расовое, этническое равенство.

Abstract: the present study is devoted to the consideration of the tendency to development and incorporation of the inclusive language as a mechanism of the contemporary English language extension. The subject of the study comprises inclusive English lexis that is widely spread due to the western language policy aimed at universal

promotion of verbal tolerance and inclusivity towards the representatives of various minorities. The choice of lexis is underpinned by the fact that rights and freedoms of the representatives of different minorities are currently considered from the political discourse perspective as an object of dispute between Democrats and Republicans. The aim of the study is to define peculiarities of the above mentioned lexis and the impact of relevant social tendencies on their appearance. The research materials include online editions of The Tennessean, The New York Times, Fox News, The Indian Express, Daily Mail and New York Post. The research methods are represented by semantic and word-formation analysis of the collected lexical material in view of the modern context. The conducted research either outlined the specifics of the inclusive lexis and the triggers to its appearance in language or underpinned the idea about close interconnection of language and relevant social tendencies. Firstly, it is noted that the semantic meaning of inclusion has extended since the beginning of XX century when it only was used to denote some peculiarities connected with disability. Now it also means the exclusion of any discrimination towards gender, ethnic and racial minorities. Secondly, the research made it possible to correlate the phenomenon of political correctness with the necessity to create inclusive language. Thirdly, the word-formation peculiarities of the considered inclusive lexemes include: absence of gender endings or their replacement with x component; replacement of different lexeme parts with x component (if there is no gender ending) so as to provoke necessary associations; exclusion of any man/woman, male/female, mother/father associations; creation of two component scientific analogs.

Key words: *language inclusivity, inclusive language, verbal discrimination, political correctness, gender, racial, ethnic equality.*

Введение

Лексический состав любого живого языка, являясь его наиболее подвижной составляющей, способен отражать и фиксировать в языке любые социальные, экономические, политические, научно-технические и многие другие изменения, характерные для определенного общества/государства в определенный промежуток времени. Данное свойство языка, с одной стороны, обеспечивает его непрерывное развитие, основной закономерностью которого, по мнению А. А. Гируцкого, является расширение словарного состава языка, с другой – свидетельствует об эволюции общества [1, с. 101]. Под эволюцией общества в данном случае стоит понимать современные тенденции, определяющие вектор его развития. Так, Г. Вайтхол в свое время справедливо отмечал влияние интеллектуального климата каждого успешного периода развития языка на его словарный состав [2, с. 202]. Немаловажно и то, что пополнение словарного запаса того или иного языка зачастую происходит не преднамеренно, а по мере возникновения необходимости и в случае отсутствия в языке подходящих вариантов для реализации определенного коммуникативного намерения [3, с. 68–77]. Данную точку зрения разделяет и Е. С. Кубрякова, рассматривающая возникновение новых слов с точки зрения прагматических потребностей участников коммуникации, способных создавать новые лексические единицы в определенных коммуникативных и стилистических целях [4]. Именно цели коммуникации в совокупности с современными тенденциями определяют характер, коннотацию и сферу употребления новых лексических единиц.

На протяжении нескольких последних лет преимущественно в западном обществе наблюдается

тенденция к повсеместному продвижению идей толерантности в отношении тех или иных социальных меньшинств, сопровождаемая заявлениями о необходимости повышения инклюзивности английского языка, выдвигаемыми представителями разного социального статуса, в числе которых присутствуют общественные активисты, сотрудники научно-исследовательских институтов, а также государственные деятели.

Цель исследования заключается в изучении особенностей инклюзивных лексем современного английского языка и влиянии актуальных социальных тенденций на их возникновение.

Как отмечает в одной из своих работ В. А. Кожемякина, эволюция семантического значения лексемы *inclusion* заняла довольно продолжительный период времени, поскольку первое упоминание данного слова датируется приблизительно 1600 г. Стоит отметить, что его первоначальное значение описывало некое действие по включению чего-либо в качестве части и не соотносилось с каким-либо специфическим феминистическим, гендерным или политическим контекстом [5, с. 221]. Тенденция к употреблению лексемы *inclusion* в гораздо более узком значении, близком к современному, возникла в начале XX в. при упоминании о детях с различными формами инвалидности в рамках образовательного контекста [Там же, с. 222]. Наибольшую распространенность на тот период времени данная лексема получила в контексте инклюзивного образования, о котором неоднократно писал Л. С. Выготский, указывая на необходимость формирования особой системы обучения, подходящей как для здоровых детей, так и детей с инвалидностью, а также О. В. Виноградная и И. И. Поташова, закладывавшие в основу понятия «инклюзивность» отсутствие дискриминации уча-

щихся по каким-либо физиологическим или интеллектуальным критериям [6, с. 68–70; 7, с. 104]. Примечательно, что в отечественной лингвистике понятие «инклюзивность» продолжает рассматриваться преимущественно в контексте тем инвалидности и людей с ограниченными возможностями, нежели гендерного, расового или этнического равенства, что в своих работах отмечают О. А. Леонтович, а также Л. А. Видясова и И. А. Григорьева [8; 9]. Несмотря на это, ключевым семантическим компонентом лексемы *inclusion* как в рамках вышеупомянутого контекста, так и в пределах ее современной интерпретации является исключение каких-либо форм дискриминации и продвижение идей равенства «социальных групп индивидуумов, различающихся по признакам расы, этноса, социального статуса, религиозных верований, гендера, семейного положения, возраста, социоэкономического положения и т. д.» [8, с. 201].

В качестве одного из основных способов достижения повсеместной инклюзивности в современном мире рассматривается развитие и внедрение инклюзивного языка, что, по мнению большинства общественных активистов, позволит если не исключить, то снизить вербальную дискриминацию меньшинств и повысить уровень социальной толерантности. К примеру, по состоянию на 2023 г. дискриминирующими в научной среде признаны словосочетания *survival of the fittest*, *field work/workers*, *field*. Дискриминирующей основой данных словосочетаний является возможность возникновения у реципиента негативных ассоциаций, связанных с вопросами инвалидности, рабства и иммиграции. В связи с этим их предлагается заменить на *survival differences/natural selection*, *local office/local office staff*, *practicum*, соответственно.

Несмотря на то, что инклюзивный язык представляет собой относительно новое явление в лингвистике, его изучением занимаются многие современные исследователи, среди которых А. Е. Косарева, М. С. Черновская, О. А. Леонтович, В. А. Кожемякина, М. В. Петрова, Е. Д. Ковалева, А. С. Кошмина, Н. И. Власенко и др. [5; 8; 10–13]. К основным характеристикам инклюзивного языка современные исследователи относят: исключение инвективной лексики, лексики, которая со временем приобрела негативные коннотации и ассоциации, а также лексем, связанных, либо ассоциирующихся с рабством, бедностью, гендерными стереотипами [5, с. 222; 8, с. 201–204; 11, с. 58–59].

Объектом данной статьи являются лексические единицы современного английского языка, появившиеся в результате языковой политики Запада, направленной на развитие языковой инклюзивности.

Актуальность предмета исследования обусловлена современными тенденциями языковой полити-

ки США, направленными на повышение уровня толерантности современного западного общества, а также немногочисленностью исследований в данной области.

Материал исследования включает новые лексические образования, появившиеся в английском языке в условиях проводимой США политики, направленной на повышение языковой инклюзивности. В качестве источника лексического материала выступили интернет-издания *The Tennessean*, *The New York Times*, *Fox News*, *The Indian Express*, *Daily Mail* и *New York Post*.

Методы исследования включают семантический и словообразовательный анализ материала с учетом особенностей контекста его употребления.

Терминологический аппарат исследования

Примечательно, что в основу инклюзивного языка заложен феномен политической корректности, исследованием которого ученые-лингвисты занимаются на протяжении не одного десятка лет. История данного феномена уходит корнями в конец XVIII в., когда лексема *correctness* воспринималась буквально и не имела никакого дискриминационного подтекста [14, с. 47]. Первый письменно зафиксированный факт использования словосочетания *politically correct* датируется 1793 г. Тогда данная формулировка была употреблена в ходе слушания дела «Чизхолм против штата Джорджия» одним из судей, заявившем о преобладании прав гражданина над государственными структурами – «*The states, rather than the people, for whose sakes the states exist, are frequently the objects which attract and arrest our principal attention. The United states,*" instead of the "*People of the United states,*" is the toast given. This is not **politically correct**. Concerning the prerogative of Kings, and concerning the sovereignty of states, much has been said and written; but little has been said and written concerning a subject much more dignified and important, the majesty of the people...»¹.

Однако в современном значении формулировка *politically correct* возникла только в 1975 г. благодаря президенту Национальной организации женщин К. ДеКроу, заявившей о необходимости развития феминистического движения «в интеллектуальном и политически корректном направлении», подразумевающим участие женщин любого этноса и социального положения [14, с. 48].

В США популярность данного феномена сохраняется уже около 30 лет и в прямом смысле диктует условия и правила употребления тех или иных лексем.

¹ Hollingsworth & Supreme Court Of The United States. (1793) *U. S. Reports: Chisholm, Ex'tor., v. Georgia*, 2 U. S. 2 Dall. 419. [Periodical]. Retrieved from the Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/item/usrep002419/>

Тесная взаимосвязь языка и феномена политической корректности способствовала возникновению термина «языковой такт», который С. Г. Тер-Минасова считает целесообразным использовать взамен «политической корректности» [15, с. 216]. В свою очередь А. Г. Стихин в целях сужения контекста его употребления предлагает такой вариант, как «коммуникативная корректность», отмечая многоликость формулировки «политическая корректность», включающей вопросы не только лингвистического, но и философского и этического характера [16, с. 139]. Разноплановость подходов к определению понятия «политическая корректность» способствовала возникновению различных точек зрения на этот счет, а также спровоцировала неоднозначное восприятие лингвистами.

Так, С. Г. Тер-Минасова отмечает, что данный феномен выражается в «стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.» [15, с. 216]. Одним словом, политическая корректность предполагает запрет на использование инвективной лексики и ее замену нейтральными эвфемизмами с положительной коннотацией, что в точности совпадает с принципами языковой инклюзивности.

Н. Г. Комлев рассматривает политкорректность как «понятие-лозунг» современной либеральной политики США, направленной на смягчение острых углов и выражение терпимости к наиболее уязвимым представителям общества с помощью «корректировки языкового кода» [17, с. 273].

В свою очередь Ф. Беквит и М. Бауман говорят о политкорректности как о совокупности идеологических воззрений [18, с. 9], с чем всецело соглашается Е. В. Маринина, рассуждая о проникновении феномена политической корректности в сферу образования, а точнее учебные материалы и пособия, в связи с чем предлагает рассматривать его как «определенную идеологию, определяющую принципы отбора учебных текстов» [19, с. 84]. Масштабность и перспективы распространения феномена политической корректности поражают, в связи с чем некоторые лингвисты говорят о нем, как о «страшной болезни нашего века» [20], а исследователи STEM из США рассматривают его как покушение на свободу мысли и попытку контролировать настоящие чувства людей – о чем говорится в их интервью телеканалу Fox News Channel. Отсюда следует вывод о том, что данный феномен – явление обоюдоострое, в попытке избежать вербальной дискриминации люди нередко доходят до абсурда, заменяя исторически и лингвисти-

чески сложившиеся словосочетания и формулировки более «толерантными» и вежливыми синонимами, и вот – во избежание словесной дискриминации требуется уже не пересмотр отдельных лексических единиц, а создание нового «инклюзивного языка».

Исследование и результаты

Учитывая все вышеизложенное и рассуждая на тему инклюзивного и политкорректного языка, целесообразно рассмотреть группы политически корректной лексики. Подобных классификаций существует целое множество, поскольку исследователями выделяются различные дискриминационные признаки. Так, М. Д. Глинская в качестве подобных признаков выделяет этнос, расу, статус женщины, а также умственные и физические особенности индивидуума [21, с. 42]. В свою очередь Л. П. Лобанова расширяет данный список и говорит о расовой, этнической, культурной, гражданской, социальной, профессиональной, институциональной, этической, нравственной, физической, умственной, гендерной и экологической политкорректности [22, с. 82–96]. Более того, В. В. Панин подразделяет все политически корректные лексемы на две группы: лексемы, отражающие принципы политкорректности, и лексемы, соотносимые с данными принципами. В отношении данных лексем В. В. Панин предлагает использовать термин – эвфемизм. К первой группе он относит эвфемизмы, традиционно исключаящие расовую, этническую, гендерную, социальную, возрастную, физическую (состояние здоровья и внешний вид) и экологическую дискриминацию. Вторая группа включает эвфемизмы, «отвлекающие от негативных экономических факторов» и прикрывающие антигуманную государственную политику [23, с. 74–79]. В дополнение к вышеперечисленным группам политически корректной лексики Е. А. Вашурина относит юмористические эвфемизмы, представляющие собой пародии на политкорректные варианты [24].

Множество разновидностей существующих и ежедневно пополняемых классификаций политически корректной лексики обусловлено стремлением человека учесть все возможные коммуникативные нюансы и избежать любой дискриминации, порой не вполне очевидной, в связи с чем нередко возникают ситуации, в которых уровень так называемой корректности доведен до абсурда, а необходимость использования соответствующих лексических единиц гиперболизирована и лишена оснований. В данном случае речь идет об использовании инклюзивного языка, предлагаемого западным обществом, в отношении представителей гендерных меньшинств.

Употребление лексем, речь о которых пойдет ниже, не ограничивается узким кругом «посвященных» лиц либо пользователей соответствующих фо-

румов, как это может показаться на первый взгляд. Среди активных пользователей так называемой «инклюзивной» лексики присутствуют как политические деятели, так и представители различных научно-исследовательских институтов, что указывает на масштабность и многоаспектность внедряемых изменений.

Более того, указанные лексемы выбраны в качестве объекта данной статьи неслучайно. В настоящее время права и свободы представителей гендерных меньшинств в большей степени рассматриваются через призму политического дискурса в качестве объекта противостояния демократической и республиканской партий США. К слову, одним из предвыборных обещаний Дональда Трампа, претендующего на президентский пост в 2024 г., является принятие федерального закона, признающего только два пола – мужской и женский, а также отмена действующих законов в отношении трансгендеров – концепта, по его словам, искусственно созданного «радикальными левыми».

Тем не менее президентские выборы в США состоятся только через год, а политика действующего американского правительства неумолимо направлена на сокрушение «лавандового потолка».

Весьма экстраординарным и «прогрессивным» примером толерантности в США стал документ о государственном бюджете США на 2022 г., в одном из разделов которого произведена замена лексемы «мать» на «родитель» – «*In its 2022 fiscal year budget released recently, the US government has replaced the word mothers with birthing people in a section that deals with bringing down maternal mortality rates*». Подобное проявление толерантности со стороны демократов в целом и администрации Дж. Байдена в частности получило широкий общественный резонанс и огласку в СМИ, после чего на Дж. Байдена обрушился шквал критики как со стороны рядовых граждан, так и со стороны общественных активистов и даже республиканцев. Стоит отметить, что незадолго до этого другой представитель демократов – от штата Миссури – К. Буш опубликовала следующий твит, в котором также сочла слово *mothers* неприемлемым и возможно оскорбительным, в связи с чем заменила его словосочетанием *black birthing people* – «*Every day, Black birthing people and our babies die because our doctors don't believe our pain...*». Данное высказывание К. Буш также подверглось критике, а сама формулировка *black birthing people*, по мнению автора National Review Д. Харсани, является не только нелепой, но и содержит женоненавистнический оттенок. Несмотря на это были и те, кто выступил в поддержку К. Буш – культисты Молоха из Национальной лиги действий за право на аборт (NARAL), указавшие на инклюзивность данной формулировки – «*When we talk about*

*birthing people, we're being inclusive... Reproductive freedom is for *every* body*».

Стоит отметить, что употребления лексем *men/women* в пользу «инклюзивности» избегают и сотрудники Института общественного здравоохранения штата Массачусетс (Institute for community health). В статье «*Menstrual Equity: Why we need it and current efforts in Massachusetts*», опубликованной на официальном сайте данного учреждения 31 марта 2022 г. и посвященной вопросам доступа к средствам женской гигиены, вместо вышеупомянутых лексем *men/women* используются *menstruators/non-menstruators* – «*Menstruation has long been stigmatized which has led to a lack of information on menstruation and a lack of social support for menstruators and non-menstruators alike...*». Примечательно, что в конце статьи приводится расшифровка данных лексических единиц, в соответствии с которой под «менструаторами» понимаются женщины, транс-мужчины, интерсексуалы и небинарные люди (гендерквир) – «*Menstruators is an inclusive term for all people that menstruate, which includes cisgender women, transgender men, non-binary and intersex people. It is also important to note that not all individuals who fit into these groups menstruate*», тогда как в группу «немменструаторов» входят мужчины, транс-женщины, интерсексуалы и небинарные люди (гендерквир) – «*Non-menstruators is an inclusive term for all people who do not menstruate, which includes cisgender men, transgender women, non-binary and intersex people. It can also include cisgender women who do not menstruate, which can be attributed to a variety of reasons*».

Противоречивость использования данных «инклюзивных» лексических единиц в отношении вышеперечисленных групп заключается в том, что вопреки их основной задаче – избежать какой-либо дискриминации, они сохраняют в себе это дискриминирующее значение только уже по отношению к женщинам.

К синонимам вышеперечисленных инклюзивных лексических единиц также представляется возможным отнести такие варианты, как *Latinx* и *girlx*, общим компонентом которых является морфема X. Первоначально данная морфема использовалась для модернизации лексемы *Latino/Latina*, где выступала в качестве нейтрализатора родоопределяющего окончания *o/a*, тем самым включив лексему *Latinx* в список инклюзивной лексики – «*...and Latinx/Hispanic representation increased by 116 %*». Стоит отметить, что с июля 2022 г. популярность данной лексемы возросла в несколько раз благодаря ассоциации с выступлением супруги действующего президента США Джилл Байден на ежегодной правозащитной конференции «*LatinX Inclusion Luncheon*» в Сан-Антонио. Вслед за лексемой *Latinx* подобный паттерн

образования инклюзивной лексики использовался и представителями муниципалитета г. Кембридж, шт. Массачусетс при составлении листовок, рекламирующих детское спортивное мероприятие для девочек, а также всех тех, кто себя с ними ассоциирует – «*Cambridge Sports Night for Girlx. Open to all those who identify as girls or girlhood*». Стоит отметить, что негативная реакция общества последовала незамедлительно. Так, один из комментариев к данной публикации выглядит следующим образом – «*count the wayx this can go wrong*», а лексема *wayx* (*ways*), созданная по аналогии с *girlx*, является ярким примером сущности окказионализма, созданного в рамках возникшей коммуникативной ситуации для выражения иронии, а также анафорической референции слова-исходника (*girlx*) и слова-аналога (*wayx*), и в очередной раз подтверждает идею А. Миньяр-Белоручевой о тенденции к созданию новых слов на основе наиболее удачных ранее использованных вариантов [9, с. 33].

Примечательно, что тенденция к повсеместному продвижению идей инклюзивности и толерантности захлестнула и западный научный мир, представители которого также выступают в пользу создания и развития так называемого научного «инклюзивного языка». В данном случае речь идет о группе ученых из США и Канады, запустивших языковой проект «Ecology and Evolutionary Biology Language Project» и выступивших с предложением заменить в рамках научной сферы деятельности лексемы *male/female* на *sperm-producing/egg-producing*, либо *XY/XX individual*, в целях недопущения навязывания идей о половой бинарности и гетеросексуальности.

Абсурдность рассмотренных выше «инклюзивных» языковых единиц, а также безосновательность их внедрения в повседневную коммуникацию в полной мере отражают неологизмы, в основу которых заложена лексема «*woke*» (*прогрессивный, политкорректный*). Стоит отметить, что в современном использовании данная лексема имеет неодобрительную, негативную коннотацию. Так, ведущий эксперт в области искусственного интеллекта доктор Эли Дэвид в интервью Fox News Channel указал на существование современной науки, основывающейся на выискивании надуманной дискриминации, в связи с чем в скором времени не исключается появление «профессоров воукеологии» – «*An entire academic field of 'finding everything offensive' has been invented in the past few years, and I won't be surprised if we will soon have professors of wokeology*». Одновременно с этим Э. Дэвидом предполагается изменение сущности американских учебных заведений – «*...with such woke updates, many universities are being turned into wokelands*».

В данном случае аналогия с названием какой-либо науки небезосновательна, поскольку автором

данного неологизма преследовалась идея сравнения «воукеологии» со лженаукой, призывающей к инклюзивности и политкорректности вопреки здравому смыслу.

Заключение

В ходе проведенного исследования выявлено 15 неологизмов современного английского языка, ассоциируемых с феноменом политической корректности и инклюзией, из них 12 подробно рассмотрены в данной статье. В целях всестороннего изучения и предоставления детальной оценки указанных неологизмов проанализировано 27 контекстов их употребления, в результате чего представилось возможным установить, что развитие языковой инклюзивности, спровоцированное социальными изменениями, высокой дифференцированностью структуры западного общества, смещением определенных коммуникативных приоритетов, а также расширением сферы влияния феномена политической корректности неизбежно приводит к расширению словарного состава английского языка. В свою очередь, изучение лексической составляющей того или иного языка, характерной для определенного промежутка времени, позволяет определить соответствующие социальные тенденции, одной из которых на данный момент является развитие вербальной толерантности и языковой инклюзивности не столько с точки зрения здравого смысла, сколько вопреки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гуцуцкий А. А.* Введение в языкознание. Минск : Тетра Системс, 2001. 284 с.
2. *Whitehall H.* The Development of the English Dictionary // *Readings in Modern English Lexicology* / ред. С. С. Хидекель, Р. З. Гинзбург, Г. Ю. Князева, А. А. Санкин. Л., 1975.
3. *Brekke H. E.* Reflections on the Conditions for Coining. Use and Understanding of Nominal Compounds // *Proceedings of the 12th International Congress of Linguistics*. Inzbruck, 1978. Pp. 68–77.
4. *Кубрякова Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М. : Наука, 1986. 158 с.
5. *Кожмякина В. А.* От политической корректности к языковой инклюзивности : эволюция понятий в контексте русской и китайской лингвокультур // *Известия ВГПУ*. 2022. № 2 (165). С. 220–227.
6. *Выготский Л. С.* Проблемы дефектологии. М. : Просвещение, 1995. 527 с.
7. *Поташова И. И., Виноградная О. В.* Семейно-ориентированная модель инклюзивного образования // *Культура и образование*. 2014. № 3 (14). С. 103–108.
8. *Леонтович О. А.* Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова : динамика понятий // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25, № 1. С. 194–220.

9. Видясова Л. А., Григорьева И. А. Исследование возможностей социальной инклюзии пожилых через взаимодействие в онлайн-среде (на примере сообществ в социальной сети «ВКонтакте») // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 21 (2). С. 106–132.
10. Косарева А. Е. Инклюзивный язык как инструмент устранения стереотипов и предрассудков в отношении расовой и этнической самоидентификации // Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции «Научная дискуссия : вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков» (2–3 апреля 2020 г.). 2020. № 4. С. 56–59.
11. Черновская М. С. Инклюзивный язык в художественном переводе (на материале переводов романа А. Кристи «Десять негритят») // Вестник Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 4. С. 57–66.
12. Петрова М. В. «Легкий язык» : языковая политика инклюзивности по обеспечению безбарьерной коммуникации в Германии // Экстрабилити как феномен исключивной культуры : формирование инклюзивной культуры в организациях : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 12–13 декабря 2019 г.). Екатеринбург, 2020. С. 217–222.
13. Ковалева Е. Д., Кошмина А. С., Власенко Н. И. Гендерная нейтральность языка и ее влияние на языковые нормы // Известия Юго-Зап. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 3. С. 68–76.
14. Шаранова И. В., Кобенко Ю. В. История возникновения понятия «political correctness» и способы его интерпретации // Вестник ТГПУ. 2014. № 10 (151). С. 46–50.
15. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 624 с.
16. Стихин А. Г. Лингвистические аспекты коммуникативной корректности. Язык и этнический менталитет. Петрозаводск, 1995. С. 138–142.
17. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М. : Эксмо-пресс, 1999. 1308 с.
18. Beckwith F. J., Bauman M. E. Are you politically correct? : Debating America's cultural standards. N. Y., 1993.
19. Маринина Е. В. О некоторых тенденциях языковой политики США и Великобритании // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 78–86.
20. The Origins of Political Correctness. An Accuracy in Academia Address by Bill Lind. URL: <http://www.academia.org/lectures/lindl.html>
21. Глинская М. Д. Особенности употребления политически корректной лексики в отношении женщин в современном английском языке // Время науки – The Times of Science. 2014. № 2. С. 42–47.
22. Лобанова Л. П. Новый стиль речи и культура поколения : политическая корректность : монография. М. : МГЛУ, 2004. 165 с.
23. Панин В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория : дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 217 с.
24. Ваишурин Е. А. Политическая корректность как лингвокультурологическая и переводческая проблема. URL: <http://www.universite.ru/material/works/filolog/cu-fl-04.doc>

REFERENCES

- Girutskii A. A. *Vvedenie v yazykoznanie* [An introduction into linguistics]. Minsk: Tetra Sistems, 2001. 284 p.
- Whitehall H. *The Development of the English Dictionary. Readings in Modern English Lexicology*. Red. S. S. Khidekel', R. Z. Ginzburg, G. Yu. Knyazeva, A. A. Sankin. L., 1975.
- Brekle N. E. Reflections on the Conditions for Coining. Use and Understanding of Nominal Compounds. In: *Proceedings of the 12th International Congress of Linguistics*. Inzbruck, 1978. Pp. 68–77.
- Kubryakova E. S. *Nominativnyi aspekt rechevoi deyatel'nosti* [The nominative aspect of speech activity]. Moscow: Nauka, 1986. 158 p.
- Kozhemyakina V. A. *Ot politicheskoi korrektnosti k yazykovoi inklyuzivnosti: evolyutsiya ponyatii v kontekste russkoi i kitaiskoi lingvokul'tur* [From political correctness to language inclusion: the evolution of the concepts in the context of the Russian and Chinese linguistic cultures]. In: *Izvestiya VGPU [Proceedings of VGPU]*. 2022. No. 2 (165). Pp. 220–227.
- Vygotskii L. S. *Problemy defektologii* [Problems of defectology]. Moscow: Prosveshchenie, 1995. 527 p.
- Potashova I. I., Vinogradnaya O. V. *Semeino-orientirovannaya model' inklyuzivnogo obrazovaniya* [Family-oriented model of inclusive education]. In: *Kul'tura i obrazovanie [Culture and education]*. 2014. No. 3 (14). Pp. 103–108.
- Leontovich O. A. *Politicheskaya korrektnost', inklyuzivnyi yazyk i svoboda slova: dinamika ponyatii* [The dynamics of political correctness, inclusive language and freedom of speech]. In: *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25, No. 1. Pp. 194–220.
- Vidyasova L. A., Grigor'eva I. A. *Issledovanie vozmozhnostei sotsial'noi inklyuzii pozhilykh cherez vzaimodeistvie v onlain-srede (na primere soobshchestv v sotsial'noi seti «VKontakte»)* [Social inclusion of the elderly through interaction in the online environment (the case of online communities in the social network “Vkontakte”)]. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*. 2018. No. 21 (2). Pp. 106–132.
- Kosareva A. E. *Inklyuzivnyi yazyk kak instrument ustraneniya stereotipov i predubezhdenii v otnoshenii rasovoi i etnicheskoi samoidentifikatsii* [Inclusive language as a tool of elimination of biases and stereotypes in terms of racial and ethnic self-definition]. In: *Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Nauchnaya diskussiya: voprosy filologii i*

metodiki преподаvaniya inostrannykh yazykov» (2–3 aprelya 2020 goda) [Proceedings of the International research and practice conference 'Scientific discussion: On philology and English language teaching methods (2-3 april 2020)]. 2020. No. 4. Pp. 56–59.

11. Chernovskaya M. S. *Inklyuzivnyi yazyk v khudozhestvennom perevode (na materiale perevodov romana A. Kristi «Desyat' negriyat») [Inclusive language in literary translation (Based on translations of A. Christie's novel *And then there were none*). In: Vestnik Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Ser.: Gumanit. i sots. nauki [Vestnik NArFU. Series: Humanities and social sciences]. 2022. Vol. 22, No. 4. Pp. 57–66.*

12. Petrova M. V. «Legkii yazyk»: yazykovaya politika inklyuzivnosti po obespecheniyu bezbar'ernoï kommunikatsii v Germanii [«Leichte Sprache»: Language Policy of Inclusion for Barrierfree Communication in Germany]. In: *Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Ekaterinburg, 12–13 dekabrya 2019 goda) [Proceedings of the II All-Russian research and practice conference with the international participation (Ekaterinburg, 12–13 december 2019)]. Ekaterinburg, 2020. Pp. 217–222.*

13. Kovaleva E. D., Koshmina A. S., Vlasenko N. I. *Gendernaya neutral'nost' yazyka i ee vliyanie na yazykovye normy [Gender Neutrality of Language and its Impact on Language Norms]. In: Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika [Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics]. 2022. Vol. 12, No. 3. Pp. 68–76.*

14. Sharapova I. V., Kobenko YU. V. *Istoriya vozniknoveniya ponyatiya «political correctness» i sposoby ego interpretatsii [Political correctness: origin of the term and ways of its interpretation]. In: Vestnik TGPU. 2014. No. 10 (151). Pp. 46–50.*

15. Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo, 2000. 624 p.*

16. Stihin A. G. *Lingvisticheskie aspekty kommunikativnoj korrektnosti. Yazyk i etnicheskij mentalitet [Linguistic aspects of the communicative correctness. Language and ethnic mentality]. Petrozavodsk, 1995. Pp. 138–142.*

17. Komlev N. G. *Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. Moscow: Eksmo-press, 1999. 1308 p.*

18. Beckwith F. J., Bauman M. E. *Are you politically correct? : Debating America's cultural standards. N. Y., 1993.*

19. Marinina E. V. *O nekotorykh tendetsiyah yazykovoy politiki SSHA i Velikobritanii [On several tendencies of USA and UK language politics]. In: Vestnik of the Moscow State University. Series 19, Linguistics and intercultural communication. 2012. No. 2. Pp. 78–86.*

20. The Origins of Political Correctness. An Accuracy in Academia Address by Bill Lind, 20.11.23. Available at: <http://www.academia.org/lectures/lindl.html>.

21. Glinskaya M. D. *Osobennosti upotrebleniya politicheskoi korrektnoi leksiki v otnoshenii zhenshchin v sovremennom anglijskom yazyke [The peculiarities of the usage of politically correct lexis relating to women in modern English language]. In: Vremya nauki – The Times of Science. 2014. No. 2. Pp. 42–47.*

22. Lobanova L. P. *Novyj stil' rechi i kul'tura pokoleniya: politicheskaya korrektnost': monografiya [New style of speech and the generation culture: monography]. Moscow: MGLU, 2004. 165 p.*

23. Panin V. V. *Politicheskaya korrektnost' kak kul'turno-povedencheskaya i yazykovaya kategoriya [Political correctness as cultural and behavioral language category]. PhD Dissertation. Tyumen', 2004. 217 p.*

24. Vashurina E. A. *Politicheskaya korrektnost' kak lingvokul'turologicheskaya i perevodcheskaya problema [Political correctness as lingvocultural and translation issue]. Available at: <http://www.universite.ru/material/works/filog/cu-fl-04.doc>*

Воронежский государственный университет
Полякова А. С., соискатель кафедры перевода и профессиональной коммуникации
E-mail: alina.alina-i95ivanova@yandex.ru

Voronezh State University
Polyakova A. S., Post-graduate Student of the Translation and Professional Communication Department
E-mail: alina.alina-i95ivanova@yandex.ru

Поступила в редакцию 20 октября 2023 г.
Принята к публикации 26 декабря 2023 г.

Received: 20 October 2023
Accepted: 26 December 2023

Для цитирования:

Полякова А. С. Развитие языковой инклюзивности как один из механизмов расширения словарного состава современного английского языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 1. С. 97–104. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/1/97-104>

For citation:

Polyakova A. S. Development of the language inclusivity as one of the mechanisms of the contemporary English vocabulary extension. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2024. No. 1. Pp. 97–104. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/1/97-104>*